

ЦЕЛОСТНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВА: ОПЫТ ТИПОЛОГИЗАЦИИ

Статья посвящена проблеме типологизации целостности человеческого существа. Анализируя теоретические и эмпирические предпосылки эффективного применения типологического подхода в антропологических исследованиях, автор показывает эвристическую ценность выделения трех типов человеческой целостности, тоталитарного, партитивного и гармонического и дает краткое описание каждого из них.

Ключевые слова: человек, целостность, типология, тип, тоталитарная целостность, партитивная целостность, гармоническая целостность.

Анализ доступного для изучения разнородного и разнообразного антропологического знания свидетельствует о том, что истинность тезиса о целостности человеческого существа наиболее известные мыслители прошлого и настоящего принимали и принимают априори. Что же касается содержания конкретных совокупностей представлений о человеческой целостности, то различия между ними могут восприниматься независимым внешним наблюдателем как весьма важные, по крайней мере, на первый взгляд. При этом если не все, то многое в данных представлениях в своем понятийно-терминологическом оформлении должно, казалось бы, безальтернативно восприниматься специалистами как нечто, имеющее бесспорное право на существование, применимое не только в практике антропологических изысканий, но и в повседневной жизни. На деле же своеобразие представлений такого рода (а только это и может привлечь внимание неангажированного исследователя), с точки зрения тех, кто их не разделяет, в той или иной мере оказывается связанным с концентрацией внимания на каких-либо малосущественных особенностях проявления человеческого естества. Более того, в отдельных случаях авторы антропологических концепций и их глубоко убежденные последователи все иные теоретические обобщения воспринимают как конгломераты совершенно бессмысленных сведений.

Нельзя не признать того, что характерная для человеческого естества многореальность неизбежно постигается автором и отражается в его антропологической концепции лишь в некоторой ее части. Но надо признать и то, что критическое усвоение содержания различных антропологических концепций обычно позволяет добросовестному, стремящемуся приблизиться к истине исследователю получить неко-

торое количество новой для него информации о человеке как целостности, какой-либо фрагмент которой непременно окажется эвристически ценным применительно к процессу его собственного интеллектуального поиска.

Осознавая устойчивость сложившихся на протяжении многих веков традиций когнитивного плюрализма в антропологических изысканиях, приходится, тем не менее, согласиться с тем, что все многообразие предпринятых ранее попыток раскрытия тайны человеческой целостности являет собой примеры более или менее удачной реализации нескольких методологических подходов. К трем основным, акцентирующим внимание исследователя на отдельных составляющих сущности и существования человека, следует отнести натуроцентрический, социоцентрический и теоцентрический. В рамках первого из них человек рассматривается прежде всего как природное существо, в рамках второго на первый план выдвигается социальность, а в рамках третьего – духовность.

Стремление исследователя типологизировать подлинную, не являющуюся плодом чьего-либо воображения целостность человеческого существа ставит его перед необходимостью последовательного избегания крайностей натуроцентризма, социоцентризма и теоцентризма (да и всех иных «...измов»). Но что же, в самом деле, может быть достойно противопоставлено безоговорочному объявлению изолированно рассматриваемых природности, социальности или же духовности человека «альфой и омегой» его целостности? И как при общем избытии информации в сочетании с наличием значительной познавательной неопределенности в сфере антропологического знания с должной мерой корректности выделить типы целостности человека?

Нет сомнения в том, что предлагать типологию целостности человеческого существа (как, впрочем, и любое иное концептуальное новшество) имеет смысл только тогда, когда свойственная ей теоретическая состоятельность столь существенна, что вполне может оказаться предпосылкой ее практической востребованности. Рискну заявить, что к искомой продуктивности изысканий здесь можно приблизиться при соблюдении двух неперемных условий. Во-первых, надо обязательно осуществить интеграцию эвристически наиболее ценного из обнаруживаемого при сравнительном анализе особенностей натуроцентрического, социоцентрического и геоцентрического вариантов видения человеческой целостности. Во-вторых, большей части текста, посвященного презентации разработанной типологии, целесообразно придать характер теоретико-методологической и понятийно-терминологической рефлексии.

Думается, что при проведении любых антропологических изысканий стоит опираться на положение о том, что человек являет собой существо, которое приходит в Мир как актуально-потенциальная становящаяся целостность и реализует собственное естество посредством обеспечения единства природного, социального и духовного существования. Взаимодействуя с доступными ему иными локальными целостностями – фрагментами необъятного в своей целостности Мира, осваивая становящегося себя и пространственно-временной континуум природных, социальных и духовных условий своего осуществления, человек обнаруживает различным образом организованные целостности. Самоутверждаясь в процессе взаимодействия с ними, человек непрерывно обретает себя – истинного, сущностно актуализующегося, или же ложного, отчуждающегося от своего природно-социально-духовного естества.

То, что человек одновременно/однопространственно являет собой и природное, и социальное, и духовное существо, признают лишь некоторые специалисты. Авторство данной идеи принадлежит, по-видимому, выдающемуся отечественному мыслителю В.С. Соловьеву. В числе его последователей, выделяющих в человеческом существовании и/или в существующем человеке природные, социальные и духовные аспекты, стороны, компоненты, состав-

ные элементы или виды деятельности, можно обнаружить носителей как религиозных, так и светских мировоззренческих ориентаций, отдельные представители которых – Н.А. Бердяев, М. Бубер, У. Джеймс – пользуются в наши дни широкой известностью.

Всякая целостность есть нечто проникнутое единством, возникающим в результате направленного развития определенного фрагмента действительности. В исследовательских целях целостность может рассматриваться как системно организованная совокупность составляющих ее элементов. Свойства целостности, в свою очередь, могут трактоваться как явления процессуальные, то есть возникающие и обнаруживающиеся в процессе ее становления. И каковыми бы эти свойства ни были, они не тождественны свойствам всех или некоторых элементов, присущих целостности. Причем при рассмотрении целостности обнаруживается не только участие каждого элемента в рождении коллективного эффекта, но и принципиальная несводимость ее свойств как системы к простой сумме свойств составляющих ее элементов. Наряду с этим никакая целостность «не может осуществиться абстрактно. Осуществление означает конкретизацию» [14, с. 113] данной целостности, внутреннее и внешнее оформление ее качественной определенности. Конкретная же целостность, являя собой конкретное единство конкретных частей, находящихся в конкретных отношениях, предстает перед исследователем в одном из возможных типов.

Под типологическим подходом к познанию какого бы то ни было объекта принято понимать совокупность «методологических процедур и соответствующих им мыслительных форм, ориентированных на понимание сложных явлений в их структурной самодостаточности, в их становлении и обособлении по отношению к гетерогенной среде» [15, с. 721]. Данный подход, вне всякого сомнения, может вполне эффективно использоваться при исследовании человеческой целостности, применительно к постижению мироотношения человека как обобщенного проявления его естества. Опора на него в антропологических изысканиях предполагает, в частности, выделение специфических особенностей отдельных людей и определение основания для построения ограниченного,

легко обозримого числа обобщенных человеческих портретов.

Надо подчеркнуть, что последовательная реализация типологического подхода заведомо предполагает редуцирующее видение исследуемого объекта. И именно поэтому, вероятно, обобщенные портреты людей традиционно именуются типами темперамента (И. Кант, И.П. Павлов, Я. Стреляу, У. Шелдон), типами характера (Э. Кречмер, Ж. Лабрюйер, А. Лоуэн, Теофраст, Э. Фромм, Э. Шостром, К. Юнг), типами личности и индивидуальности (Ш. Залман, А.Ф. Лазурский, К. Леонгард, Э. Шпрангер) и лишь иногда – человеческими типами или типами людей (Н.А. Государев, Б.А. Диденко).

Думается все-таки, что более верным здесь было бы использование термина «типы человеческой целостности»; при этом нужно непременно учитывать, что конкретные типы всегда выделены в контексте воззрений автора рассматриваемой типологии. Немаловажным аргументом в пользу высказанного суждения является то, что в рамках многих антропологических концепций (в том числе и относимых в наше время к классическим) границы содержания понятий темперамента, характера, индивидуальности и личности оказываются размытыми, объекты их зачастую полностью или частично отождествляются, а сами понятия используются как взаимозаменяемые. Э. Фромм, например, ведя речь о смещении понятий темперамента и характера, вскрывает и критически анализирует понятийно-терминологические недостатки концепций типов темперамента Э. Кречмера, У. Шелдона и К. Юнга [21].

Целесообразно уточнить, что понятием «тип» обычно обозначается «образец, модель для группы предметов; форма чего-л.; ...разряд, категория людей, объединенных общностью каких-л. внешних или внутренних черт» [18, с. 496]; такая «совокупность признаков, которая образует внутренне устойчивое ядро взаимозависимостей и в этом своем виде становится всегда конкретной «единицей» типологического знания» [15, с. 722], то есть одной из своеобразных, качественно различных составляющих обобщенно-абстрагированного результата познания некоего многоэлементного класса объектов действительности. Типичное при этом выступает как «наиболее вероятное, образцовое для данной системы связей явление» [19, с. 251], как

частная проекция представлений исследователя о квинтэссенции рассматриваемой целостности на множество ее известных признаков.

Современными философами и учеными различных специальностей и методологических ориентаций широко используется понятие идеального типа (М. Вебер). Интерпретируя содержание этого понятия в соответствии со спецификой обсуждаемых вопросов, можно отметить, что в идеально-типичном с какой-либо мерой полноты рационально/иррационально отображается некая часть наиболее устойчивого, существенного и специфического в постигаемом целом. Использование метода идеальных типов, как полагает Г.С. Померанц, «позволяет исследовать целое, не разрушая и не рассыпая его на строго установленные факты, между которыми остаются зияющие пустоты» [16, с. 46].

Необходимо подчеркнуть еще и то, что в рамках типичного возможно сосуществование идеального с реальным. Признавая это, Д.П. Горский разграничивает идеально-типичное и реально-типичное. Он показывает, что понятия идеального и реального типов «являются отражением действительности, и притом таким отражением, которое воспроизводит действительность глубже и полнее, чем соответствующие родовые понятия» [4, с. 29]. При этом уточняется, что по «отношению к типам нельзя утверждать, что свойство, фиксированное в понятии, принадлежит или не принадлежит изучаемым индивидуумам; это свойство принадлежит индивидуумам в большей или меньшей степени; между смежными типами существуют промежуточные, переходные формы» [4, с. 29].

Тип, взятый в контексте обобщающей его типологии, явится идеальным вне зависимости от того, сколь велика вероятность его исчерпывающе-конкретного осуществления в действительности. Типичное применительно к единичным случаям никогда не оказывается абсолютно реализованным; практически всегда оно проявляется как тяготение к чему-либо, как преобладание, как тенденция.

Попытки предложить типологию человеческой целостности предпринимались неоднократно. Построенные в разные времена теоретические конструкции такого рода далеко не всегда оказывались востребованными современниками их авторов, а тем более – мыслите-

лями последующих поколений. Тем не менее, в широко известной в наше время антропологической литературе можно обнаружить великое множество интерпретаций результатов типологизации человеческих существ. Содержания описываемых типологий зачастую в той или иной мере совпадают, а сообщаемые читателю сведения о специфических проявлениях человеческого естества неизбежно фильтруются мировоззрением интерпретатора.

Стремление исследователя скрупулезно изучить и обязательно использовать в своих теоретических построениях содержания всех принципиально доступных ему типологий (как, впрочем, и иных вариантов концентрированного выражения результатов каких-либо изысканий) заведомо утопично. В случаях, подобных настоящему, надо признать вполне приемлемым применение селективного подхода, предполагающего тщательный отбор для использования только тех сведений, которые представляются эвристически наиболее ценными.

Действуя исходя из этих соображений, отмечу, что практически каждая из получивших широкую известность человеческих типологий может быть квалифицирована как ориентированная (с той или иной мерой глубины и очевидности) натуроцентрически, социоцентрически или же теоцентрически. В частности, натуроцентрическая ориентация вполне достоверно выявляется при анализе типологии Гиппократа и Галена, взятой как в изначальном, вошедшем в традицию варианте, так и в трактовках И. Канта [5] и И.П. Павлова [11]; то же следует сказать и о типологиях Б.А. Диденко [3], Э. Кречмера [7], У. Шелдона [22] и К. Юнга [23]. Типологии Ж. Лабрюйера [8], П.Ф. Лесафта [9], Платона [13], Теофраста [17] и Э. Фромма [20] отличаются более или менее явно выраженной социоцентрической ориентацией. К духовно ориентированным надо отнести типологии ап. Павла (1 Кор. 2: 14-15; 3: 1-4), В.В. Болотова [1], У. Джеймса [2] и Ш. Залмана [10].

Любая из указанных типологий обладает некоторой эвристической ценностью. Причем все они, вне зависимости от своей специфики, в творчески осмысленном виде вполне продуктивно «стыкуются» между собой. В связи с этим при осуществлении типологического подхода к исследованию человека как природно-социально-духов-

ной целостности синтез их содержания не только вполне допустим, но и целесообразен. А потому сконцентрированная в них информация при необходимости может выступить существенной частью эмпирико-теоретического базиса экспликации содержания предлагаемой типологии.

Представляется очевидным, что ни одну из популярных в настоящее время типологий человеческой целостности нельзя полагать универсальной. Нет сомнений и в том, что создать в полной мере универсальную типологию просто невозможно. Тем не менее, стремление к использованию разнообразного антропологического знания в предельно обобщенном, интегрированном виде неявно предполагает наличие максимально широко употребляемой типологии человеческой целостности, то есть теоретической конструкции, практически приближающейся к универсальной. Думается, что это осуществимо только в том случае, если используемая типология человеческой целостности окажется частным вариантом, модификацией неспецифической типологии, вполне корректно приложимой ко всякой целостности и тяготеющей к универсальности.

Такая, производящая впечатление универсальной, типология выстраивается, например, при попытке конъюнктивного разрешения альтернативы суммативного и сверхсуммативного представлений о целом и о наличии взаимодействия составляющих его частей. Соответственно при рассмотрении целостностей с конъюнктивных позиций обнаруживаются два их типа: суммативный и сверхсуммативный.

В суммативных целостностях взаимодействие частей друг с другом столь мало, что никак не сказывается на целом. Наряду с этим свойства данных целостностей практически равны сумме свойств составляющих их частей. А потому суммативные – образованные простым суммированием частей – целостности типологизации не поддаются; по крайней мере, ни одна рациональная, теоретически состоятельная типология суммативной целостности до настоящего времени не получила сколько-нибудь широкого распространения.

Сверхсуммативным целостностям присуще разной тесноты взаимодействие между частями и наличие интегративных свойств у целого. Поэтому сверхсуммативные целостности в отличие

от суммативных могут быть типологизированы на основании характера взаимодействия составляющих их частей и выраженности присущих им интегративных свойств. Опираясь на представления такого рода, В.И. Кириллов констатирует существование трех типов целостности: механического целого, неорганического целого и органического целого [6].

Первый из выделенных на этом основании типов целостности характеризуется внешним взаимодействием частей. В таком, механическом, целом части слабо зависят от целого, целое же находится в значительной зависимости от частей. Механическое целое в отличие от суммативного является не простой суммой частей, а некоторым другим качеством по сравнению с любой своей частью, так как определяется взаимодействием частей, обеспечивающих функционирование целого. Для второго типа, неорганического целого, свойственно внутреннее взаимодействие частей, приводящее к взаимному преобразованию их свойств. В этом целом в сравнении с механическим зависимость частей от целого возрастает, а зависимость целого от частей уменьшается. Органическому целому присущи внутреннее взаимодействие частей, взаимодействие целого с внешней средой и способность к саморазвитию. Значение коррелятивных и интегративных связей для этого типа целостности столь велико, что части здесь не могут функционировать вне целого. При этом изменение одной из них ведет к изменению и других частей, и всего целого.

Нужно особо подчеркнуть, что сверхсуммативность свойственна механическому целому минимально, при переходе к неорганическому целому обнаруживается ее заметно большая выраженность, а органическому целому она оказывается присущей в максимально возможной мере. Если интегративные свойства у механического целого почти отсутствуют, а у неорганического целого могут быть более или менее значительными, то именно их наличие полностью определяет как само существование органического целого, так и все многообразие его проявлений.

Целостность всякого человеческого существа, рассмотренная в контексте этой типологии, может быть признана только сверхсуммативной и органической. И именно поэтому опо-

ра на данную – широко известную – типологию применительно к проводимому исследованию выглядит заведомо эвристически малоэффективной.

Менее известна типология целостности, предложенная Д.В. Пивоваровым. Ее автор полагает, что определение типа всякого целостного образования возможно на основе присущего ему соотношения целого и частей. Существование трех заметно отличных друг от друга вариантов связи целого и его частей, их взаимного влияния свидетельствует о целесообразности выделения трех основных типов целостности: тоталитарного, партитивного и гармонического. «Для тоталитарности как разновидности целостности (тотальности) характерно подавление Ц. (целым. – *И. Б.*) его частей, господство единообразия и тождества, нивелирование внутренних количественных различий между слагаемыми тотального качества. Партитивная целостность, напротив, отличается максимально возможной автономией своих Ч. (частей. – *И. Б.*) и ярким проявлением их “индивидуализма”» [12, с. 797]. Отсутствие доминирования частей и целого друг над другом, взаимораскрывающий характер их связи свидетельствуют о гармоничности рассматриваемой целостности.

Такая типология вполне приложима к любой сверхсуммативной и органической целостности, в связи с чем возможность и целесообразность опоры именно на нее при исследовании целостного человеческого существа сомнения не вызывает.

Анализ разнохарактерных представлений о человеке как целостном существе, осуществляющем целостное мироотношение, показал, что: а) человеческая целостность обнаруживается во всех трех типах, выделенных Д.В. Пивоваровым; б) определенный тип целостности человек обретает и проявляет в процессе реализации своеобразия присущего ему мироотношения.

Таким образом, целостность человеческого существа, будучи сверхсуммативной и органической, может воплотиться в жизнь в тоталитарном, партитивном и гармоническом типах. При этом первым двум из данных типов присуще явное тяготение к осуществлению в натуроцентрическом, социоцентрическом или же теоцентрическом вариантах.

Тоталитарная целостность человеческого существа зачастую реализуется в ущерб некоторым своим частям. Натуроцентрический вариант тоталитарной целостности находит отражение в последовательном воплощении в жизнь гедонистических установок человека, сопряженных с его эгоизмом и утрированной самодостаточностью. Социоцентрический вариант тоталитарной целостности проявляется в однозначно коллективистской ориентации человека, сочетающейся с его сверхнормативной социальной активностью и фактической утратой им собственной индивидуальности. В своем теоцентрическом варианте тоталитарная целостность выступает как склонность человека к всепоглощающим смысложизненным размышлениям, к поиску Бога в себе и себя в Боге, как стремление свести до возможного минимума свою социальную активность и отношение к собственному телу как подлежащей умерщвлению греховной плоти.

Обретаемая человеком *партиципная целостность* в своих крайних проявлениях обнаруживается как его животность, социальная зомбированность или же религиозный фанатизм. Животность как гипертрофированная природность выражается в ориентации человека на преимущественное удовлетворение собственных телесных потребностей; при этом мироотношение человеческого существа разворачивается в диапазоне от скотоподобия (тупой бессмысленности) до зверообразности (оголтелой хищности). Социальная зомбированность предстает в различных формах карьеризма или диссидентства. Относящийся к духовным явлениям религиозный фанатизм (как, впрочем, и его обратная сторона – догматический воинствующий атеизм) выступает как склонность человека к мессианству, как его стремление к подвижничеству, как жертвенная установка.

Гармоническая целостность человека представляет собой подлинное единство, совершенную согласованность, сонастроенность всех природных, социальных и духовных составля-

ющих его естества. Истинная гармония предполагает универсализацию мироотношения человека посредством креативного смыслопостижения в процессе субъектного и объектного взаимодействия с природными, социальными и духовными явлениями Мира. Носитель гармонической целостности вполне последовательно ведет здоровый образ жизни, проявляет душевную расположенность и любовь к людям, творчески осуществляет освоение доступных фрагментов действительности.

Нельзя не отметить, что даже при наличии исключительно благоприятных внешних и внутренних условий гармоничность человеческой целостности является весьма маловероятным результатом процесса ее становления. Причем, даже будучи в какой-то момент обретенной человеком, гармоническая целостность оказывается нестабильной. Существовая и обнаруживаясь только в состоянии непрерывного становления, она просто не может быть устойчивой. Нарушение ее, преобразование в тоталитарную или партиципную является заметно более вероятным, чем сохранение; по крайней мере, к этому предрасполагают многообразные внешние воздействия на человеческое существо. Такому исходу человек может достойно и эффективно противопоставить лишь концентрацию всех своих духовных сил на максимально бережном проявлении активности в познании и преобразовании себя и доступных фрагментов Мира, на неустанном, но чрезвычайно осмысленном и аккуратном осуществлении смыслонахождения и смыслообразования. Обязательным оказывается смиренное, бесспорно болезненное избавление от мессианских иллюзий, от убежденности в собственной абсолютной непогрешимости, от слепой веры в объективную необходимость и безальтернативность осуществляемых форм мироотношения, избавление от пристрастия к тем из них, которые актуально или потенциально обнаруживаются как противоречащие человеческому естеству.

Список использованной литературы:

1. Болотов, В.В. Введение в церковную историю / В.В. Болотов // Лекции по истории древней церкви: в 4 т. – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского Ставропигиального монастыря, 1994. – Т. 1. – 234 с.
2. Джеймс, У. Многообразие религиозного опыта / У. Джеймс. – М. : Наука, 1993. – 432 с.
3. Диденко, Б.А. Цивилизация каннибалов / Б.А. Диденко. – М. : ТОО «Поматур», 1999. – 176 с.
4. Горский, Д.П. Понятие о реальных и идеальных типах / Д.П. Горский // Вопросы философии. – 1986. – № 10. – С. 25-34.
5. Кант, И. О темпераменте / И. Кант // Психологическая типология. – Минск : Харвест, М. : АСТ, 2000. – С. 6-11.
6. Кириллов, В.И. Логика познания сущности / В.И. Кириллов. – М. : Высшая школа, 1980. – 175 с.

7. Кречмер, Э. Стрoение тела и характер / Э. Кречмер // Психологическая типология. – Минск : Харвест, М. : АСТ, 2000. – С. 127-165.
8. Лабрюйер, Ж. Характеры, или Нравы нынешнего века / Ж. Лабрюйер // Парадоксы души. – Симферополь : «Реноме», 1998. – С. 45-388.
9. Лесгафт, П.Ф. Школьные типы (Антропологический этюд) / П.Ф. Лесгафт // Избранные педагогические сочинения. – М. : Педагогика, 1988. – С. 24-114.
10. Миндель, Н. Философия хабада. Рабби Шнеур-Залман из Ляды / Н. Миндель. – Вильнюс : Шамир-Гешарим-Viltis, 1990. – 185 с.
11. Павлов, И.П. Физиологическое учение о типах нервной системы, темпераментах тож / И.П. Павлов // Полное собрание сочинений : в 6 т. – М.-Л. : Акад. наук СССР, 1951. Т. 3. Кн. 2. – С. 77-88.
12. Пивоваров, Д.В. Часть и целое // Современный философский словарь. – М. : Академический проект, 2004. – С. 797-799.
13. Платон. Государство / Платон // Государство. Законы. Политик. – М.: Мысль, 1998. – С. 63-382.
14. Плеснер, Х. Ступени органического и человек / Х. Плеснер // Проблема человека в западной философии : Переводы. – М. : Прогресс, 1988. – С. 96-151.
15. Плотников, В.И. Типологический подход / В.И. Плотников // Современный философский словарь. – М. : Академический проект, 2004. – С. 721-725.
16. Померанц, Г.С. Метахудожественное мышление / Г.С. Померанц // Культурология. XX век. Энциклопедия : в 2 т. – СПб. : Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998. – Т. 2. – С. 45-46.
17. Теофраст. Характеристики / Теофраст // Парадоксы души. – Симферополь : «Реноме», 1998. – С. 9-34.
18. Тип // Словарь иностранных слов. – М. : Русский язык, 1983. – С. 496.
19. Фарман, И.П. Проблемы гносеологии искусства / И.П. Фарман // Теория познания : в 4 т. – М. : Мысль, 1991. – Т. 2. Социально-культурная природа познания. – С. 245-264.
20. Фромм, Э. Из плена иллюзий. Как я столкнулся с Марксом и Фрейдом / Э. Фромм // Душа человека. – М. : Республика, 1992. – С. 299-374.
21. Фромм, Э. Человек для самого себя. Введение в психологию этики / Э. Фромм // Психоанализ и этика. – М. : ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. – С. 21-256.
22. Шелдон, У. Психология конституциональных различий / У. Шелдон // Психологическая типология. – Минск : Харвест, М. : АСТ, 2000. – С. 166-189.
23. Юнг, К. Психологические типы / К. Юнг. – М. : Изд-во Эксмо-Пресс, 2001. – 480 с.